

Г. Д. САНЖЕЕВ

К НЕКОТОРЫМ ВОПРОСАМ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВ

1

Как известно, сравнительно-историческое изучение реальных связей между языками народов, объединенных общностью на значительнейшем протяжении своей исторической жизни, Н. Я. Марром было подменено бессистемным и произвольным сопоставлением самых разнообразных языков мира. Подобное сопоставление осуществлялось Н. Я. Марром и его „учениками“ при помощи „действительно идеалистического четырехэлементного анализа“ и без какого бы то ни было учета реальных исторических связей между языками и народами, творцами и носителями этих языков. Оно, это сопоставление, сопровождалось крикливым шельмованием сравнительно-исторического метода, как „идеалистического и простецкого“, высокомерным третированием всякой попытки изучения родственных языков, как проявления теории „праязыка“, и шумным декларированием бессодержательной формулы о языковом родстве, как социальном схождении, о неродстве, как социальном расхождении.

Согласно учению Марра, родство, например, славянских языков объявлялось результатом сравнительно позднейшего „социального схождения“. Из этой шумной декларации логически должно было вытекать, что неродство, например, тех же славянских языков с языками, скажем, Южной Америки является следствием социального расхождения — от первородного четырехэлементного единства, этого всеобъемлющего и действительно библейского „праязыка“. Отсюда и другая марровская формула о том, что все языки мира родственны между собою и взаимно скрещены. Именно поэтому Н. Я. Марр и его „ученики“ безудержно могли сравнивать любое русское или грузинское слово с любым другим словом любого языка на всем земном шаре — австралийского, эскимосского, кельтского, монгольского, китайского, шумерского, халдского, суданского и т. д. и т. п.

Стало быть, марровская критика теории „праязыка“, как теории „расистской“ и „национально ограниченной“, является мнимой, поскольку теория, скажем, зональных „праязыков“ по существу подменяется „теорией“... единого мирового „праязыка“, из туманной дали тысячелетий появляющегося перед изумленным взором своих потомков то в образе четырехэлементных тотемов, то, наоборот, в виде бесконечного множества языков-моллюсков.

Все разнообразие всех языков мира, якобы восходящих к четырем первоначальным элементам, установленным Н. Я. Марром с исключительной математической „точностью“, сводилось „новым учением о языке“ к антиисторической схеме стадийного развития и насильственно укладывалось в столь же антиисторической стадийной их, языков, классификации.

Таким образом, историческое изучение языков было загнано Н. Я. Марром в тупик, из которого советское языкознание было выведено могучим гением И. В. Сталина.

20 июня 1950 г., в знаменательный и памятный для всех нас день, отрезвляющий голос великого разума провозгласил наступление конца марровского мрака и вступление советского языкознания в новый, Сталинский этап своего развития. В своих гениальных языковедных произведениях И. В. Сталин с исключительным научным проникновением в глубины сути вещей и столь же исключительной простотой разъясняет сложнейшие проблемы языка и выдвигает ряд положений по вопросам языкознания. Руководствуясь этими положениями, советское языкознание может и должно выполнить свою главную задачу, заключающуюся в изучении внутренних законов развития языка.

Из ряда гениальных сталинских положений по вопросам исторического развития языка мы здесь отметим лишь указание о том, что развитие языков идет „... от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным“...¹

Задача языковеда — показать на конкретном языковом материале, как, выражаясь словами К. Маркса и Ф. Энгельса, стихийно возникшая речь возвысилась до национального языка, проходя в своем историческом развитии через те ступени, которые конкретизированы в данном сталинском указании.

В этой статье мы попытаемся только наметить лишь общие линии выполнения некоторой части именно этой лингвистической задачи, вполне сознавая, что для этого совершенно необходимы коллективные усилия многих и многих языковедов с неперменным участием историков, археологов и этнологов.

В ряде гениальных сталинских положений содержится не только целая программа изучения языков и внутренних законов их исторического развития, но и точные указания того, как она, программа, должна выполняться языковедами на конкретном материале изучаемых языков.

Только руководствуясь всеми сталинскими указаниями по вопросам языкознания, советские лингвисты будут в состоянии внедрить марксизм в языкознание и, отметая антиисторическую методику исследования Н. Я. Марра, добиться решающих успехов в области подлинно исторической, марксистско-ленинской, науки о языке.

2

В исключительно трудном положении может оказаться языковед, если он приступит к попытке установить закономерности в образовании и развитии родовых языков, языков эпохи первобытно-общинного строя. Дело в том, что, во-первых, языки тех этнических групп, которые находятся или находились недавно на наиболее низкой ступени культурного развития, изучены наименее полно или почти не изучены, особенно в их взаимных связях и отношениях. Речь идет о языках глубинных мест Южной Америки, экваториальной Африки, Австралии и островов Тихого Океана. Во-вторых, наиболее малочисленные² языки нашего времени расположены либо вдали от культурных центров человечества, либо в горных ущельях, т. е. вдали от основных магистралей культурного развития человечества. Речь идет о языках Крайнего Севера Америки и Евразии, а также и глу-

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Москва, Госполитиздат, 1950, стр. 12.

² Языки мы называем малочисленными или многочисленными по количеству их носителей.

бин Южной Америки и Экваториальной Африки, о языках, относительно большинства или части носителей которых мы не можем не предположить, что они в своем историческом прошлом были оттеснены своими более мощными и сильными соседями в наименее удобные и наиболее тяжелые для жизненного существования районы земного шара. В третьих, эти малочисленные языки в большинстве своем находятся все же в окружении более мощных и многочисленных языков, влияние которых они, возможно, испытывали. В-четвертых, проблемы родового общества, первобытно-общинного строя, изучены все же очень слабо, хотя в этом отношении наша советская археология и этнология достигли за последние годы весьма ощутительных результатов, особенно в области палеолита и неолита Сибири. Мы уже не говорим и о том, что наименее слабо изучены или почти не изучены проблемы, связанные с освещением того периода в истории, когда люди первобытного стада переходили к родовому обществу, от родовых организаций к племенным. В-пятых, наша археология и этнология, имеющие весьма большие достижения, все же не свободны от ошибок марристского характера. То же, что в этих областях науки появилось в печати после опубликования гениальных трудов И. В. Сталина, не обнаруживает пока, к сожалению, признаков достаточно глубокой перестройки и готовности действительно осознать те ошибки, которые под влиянием Н. Я. Марра допускались археологами и этнологами в области изучения первобытно-общинного строя. А ведь именно в этих отраслях науки особенное распространение получила неверная „теория“ Н. Я. Марра скрещения языков и народов, скрещения всех и вся в гораздо большей степени, нежели в языкознании.

В описательных этнографических монографиях не всегда можно найти указания о том, с кем же имеют дело авторы, употребляющие термины „род“, „племя“, „вождь“, „князек“ (даже „король“) и т. д. без какого бы то ни было разбора.

Из изложенного легко видеть, что изучение особенностей в развитии современных окраинных (северных) и глубинных (южноамериканских, австралийских или африканских) языков могло бы пролить много света в дело изучения закономерностей в развитии и образовании родовых языков далекого прошлого, тех родовых языков, которые некогда образовались и развивались на основных путях последующей человеческой культуры и цивилизации.

Было бы особенно интересно лингвистически конкретизировать любопытные наблюдения Н. Н. Миклухи-Маклая на Новой Гвинее.

Таким образом, совершенно ясно, что в отношении основных и главных закономерностей в развитии и, особенно, образовании родовых языков далекого прошлого мы можем делать только приблизительные предположения и гипотетические схемы, отталкиваясь от изучения племенных языков. Лишь в отношении структуры языка глубокой древности, отталкиваясь от изучения наименее развитых языков нашего времени или недавнего прошлого, мы можем сказать, что „это был язык не сложный с очень скудным словарным фондом, но со своим грамматическим строем, правда, примитивным, но все же грамматическим строем“ (И. Сталин). Если мы учтем особенности племенных языков и соответствующие явления, например реликтовые, в языках народностей или национальных языках, мы сможем все же, хотя бы приблизительно, представить себе структурные особенности родовых языков на последнем этапе их развития.

Точно так же как анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны, а буржуазная экономика — ключ к античной³, структура современных

³ См. К. Маркс, К критике политической экономии, Госполитиздат, 1949, стр. 219.

языков, племенных в особенности, дает нам ключ к структуре родовых языков; особенности и закономерности в образовании и развитии некоторых современных языков открывают нам возможность понять то же самое и в отношении родовых языков. Именно в связи с анализом всеобщего и частного в историческом развитии производства К. Маркс писал, что „...хотя наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми, но именно отличие от этого всеобщего и общего и есть то, что составляет их развитие“⁴. Именно поэтому И. В. Сталин пишет, что „элементы современного языка были заложены ещё в глубокой древности, до эпохи рабства“⁵. В самом деле, языки австралийцев и многих полинезийцев, недавно находившихся на средней ступени дикости, уже обладают более или менее развитым грамматическим строем, который принципиально и в основном не отличается от грамматического же строя языков племен и народов, стоящих на значительно более высокой ступени развития. Стало быть, эти данные подтверждают, что в структурном отношении не отличаются языки родовые от языков племенных, языки племенные от языков народностей, а последние от национальных. Этим самым мы не хотим сказать, что языки в своем развитии от родового состояния до уровня национального языка не претерпевают каких-либо структурных изменений. Мы хотим лишь сказать, что эти структурные изменения не связаны с развитием от родовых языков к племенным языкам и т. д. Эти изменения могли происходить и до эпохи племенных языков, и в течение эпохи племенных языков, и в течение нескольких эпох, и в течение нескольких базисов и соответствующих им надстроек. Шаблона в отношении всех языков невозможно допустить и здесь.

В самом деле, анализ различных структур самых разнообразных языков земного шара показывает, что нет никакой зависимости этих структур ни от того, на какой ступени этнического образования — рода, племени, народности, нации — находятся носители соответствующих языков, ни от того, в условиях каких общественно-экономических формаций застаются наукою народы, языки которых подвергаются изучению.

3

Таким образом, мы в поисках различия в образовании и развитии языков народов различного этнического образования (рода, племени, народности и нации) должны сосредоточить свое внимание не на структурные их, языков, особенности, а на нечто другое. Это нечто другое, как нам кажется, необходимо искать в особенностях процесса схождения и расхождения языков, в особенностях дробления последних на диалекты на различных этапах этнического образования народов. И в ходе исследования этих особенностей необходимо установить закономерности в образовании и развитии данных языков и диалектов.

Поскольку язык есть средство и орудие общения людей, постольку в данном случае задачей языкознания является определение того, какое общество обслуживает или обслуживал каждый данный язык или диалект. Если первоначально люди жили отдельными родами-общинами, не достигнув в своем этническом развитии племенной ступени, то означает ли это, что каждый род имел такой язык, который был абсолютно непонятен для другого рода и не находился в какой-либо генетической связи с языками других

⁴ К. Маркс, К критике политической экономии, Госполитиздат, 1949, стр. 195.

⁵ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.

родов? Что же, следовательно, такое „родовые языки“, как не языки такого „чистого“ родового общества, которое еще не знало племенных объединений? Из этого вовсе не следует, что каждый род обязательно имел такой отдельный язык, который генетически был бы абсолютно самостоятельным, вроде, скажем, баскского среди романских языков. Ибо в противном случае мы должны были бы этнологическую теорию полицентризма довести до логического абсурда: столько было первоначальных культурно-этнических центров с изначально же генетически независимыми друг от друга отдельными языками, сколько всего было тогда родов на земном шаре.

Проф. С. П. Толстов выдвигает положение о том, что родовые языки в процессе длительного общения между родами сближаются друг с другом, в результате чего создается характерная для раннего (доплеменного) родового строя первобытная лингвистическая непрерывность, при которой нет резких лингвистических границ⁶. Но какова была картина родовых языков до их предполагаемого „сближения“, где, откуда и как они образовались, как далеко простиралась „первобытная лингвистическая непрерывность“, (на весь обитаемый человеком мир или в границах нескольких этнокультурных зон)? На это ответить, конечно, довольно трудно, пока антропология и археология не раскроют и не раскопают нам все доступные и сохранившиеся в недрах земли тайники далекого прошлого, с тем, чтобы установить этногеографию, или, точнее, антропогеографию соответствующих эпох. Скорее всего, как можно пока лишь гадать, первоначальные родовые языки создавались в условиях лингвистической непрерывности, т. е. образуя таковую в процессе своего становления, и в границах определенных этнокультурных зон. Схема проф. С. П. Толстова кажется нам мало удовлетворительной потому, что она, во-первых, предполагает возможное доведение теории полицентризма до логического абсурда, во-вторых, не учитывает известные факты расчленения и новообразования родов и племен, на которые указывали Ф. Энгельс и Л. Морган, и, в-третьих, предполагает какие-то более ранние и невозможные „сближения“ (на какой экономической основе?), которые не связаны с формированием племен.

Если основной словарный фонд первоначальных родовых языков был чрезвычайно скудным, а их грамматический строй — столь же примитивным, то надо полагать, что именно поэтому между этими языками одних и тех же зон сначала едва ли могли иметь место резкие лингвистические границы. Это-то обстоятельство должно было облегчить процесс сближения между родовыми языками в эпоху формирования племен и племенных языков. Таким образом, отсутствие резких лингвистических границ (первобытная лингвистическая непрерывность) между этими языками скорее всего было условием, облегчавшим их сближение и, затем, слияние, нежели (и не столько) следствием последних; то сближение и слияние, которые подготавливали формирование племенных языков, протекавшее в границах определенных зон, когда для этого созрели необходимые экономические условия. В этом смысле концепция С. П. Толстова о первобытной лингвистической непрерывности заслуживает всяческого внимания.

Как нам кажется, уточнение совместно с археологами и этнологами первобытной лингвистической непрерывности (и примитивной ранней речи), представляемой в определенных зональных границах и отодвинутой к начальным истокам первоначальных родовых языков, могло бы вывести языковедение из теснины между „п्राязыковой“ Сциллой и марровской Харибдой с бесконечным множеством первоначальных языков, т. е. между прямолинейным моноцентризмом и

⁶ См. „Изв. АН СССР, сер. истории и философия“, т. VII, 1950, № 4, стр. 355.

столь же прямолинейным полицентризмом, доведенными до логического абсурда.

Если в настоящее время некоторые нации, например англичане, американцы и т. д., говорят на одном и том же языке, если многие национальные языки, например славянские, германские, романские, тюркские, монгольские, финно-угорские и т. д., будучи генетически связаны между собою, составляют известные языковые семьи, то тем более нет никаких оснований отрицать подобное же явление и для эпохи родовых языков. Скорее всего надо предположить, что некогда эти родовые языки обслуживали по нескольку родов и генетически были связаны между собою. Затем эти языки разошлись, по выражению Энгельса, утрачивая почти всякий след своего первоначального единства, что приводило к разрыву первобытной лингвистической непрерывности и множеству языков без видимой генетической связи.

4

При решении затронутого вопроса необходимо считаться с некоторыми известными в этнологической науке фактами. Прежде всего нельзя представлять себе роды или родовые общества абсолютно изолированными друг от друга. Как известно, на некоторой ступени развития роды представляют собою, между прочим, экзогамные соединения людей. Это значит, что роды были связаны между собою узами брачных связей: люди брали себе жен из каких-то других родов и в какие-то другие же роды отдавали своих дочерей в замужество в зависимости от характера различных брачных систем. Это — во-первых. Во-вторых, между первобытными родами-общинами существовали связи и по линии обмена. Конечно, эти связи не были регулярными, устойчивыми, постоянными, но все же они существовали. Марксизм, как известно, отрицает возможность обмена лишь внутри первобытных общин. „В действительности процесс обмена товаров возникает первоначально не в недрах первобытных общин, но там, где они кончаются, на их границах, в тех немногих пунктах, где они соприкасаются с другими общинами“⁷. Далее. „Различные общины находят различные средства производства и различные жизненные средства среди окружающей их природы. Они различаются поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам. Это те естественно выросшие различия, которые при соприкосновении общин вызывают взаимный обмен продуктами...“⁸

Этнология богата фактами, подтверждающими изложенное. Например, в тропических лесах Южной Америки племя вапишана сооружает лодки для обмена с другими племенами, макуши изготавливают яд для стрел, аруаки — горшки и т. д. Такое же явление наблюдается в Меланезии, Африке и т. д. Правда, в данном случае речь идет о племенах, стоящих уже на низшей ступени варварства. Но вот, например, австралийцы, стоявшие еще недавно на средней ступени дикости. Оказываются, и у них роды и племена не были абсолютно замкнутыми и самодовлеющими. В некоторых районах Тасмании допускались переходы через чужую территорию в периоды сбора яиц морских птиц. В самой Австралии какое-либо племя в случае отсутствия на своей территории дичи имело право обратиться к другому, соседнему, племени с просьбой и получить от него разрешение охотиться на его территории. Племя, обитавшее на территории с охрой, отсутствующей в других местах, не имело исключительного права на свою территорию:

⁷ К. Маркс, К критике политической экономии, стр. 38.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 387—388.

для добывания охры на эту территорию могли приходиться и другие племена.

В-третьих, количество всей людской массы в отдаленные от нас времена было, конечно, весьма незначительным. Так, например, еще во времена Тацита всех германцев насчитывалось около пяти-шести миллионов человек, т. е. примерно в сорок раз меньше, нежели теперь (если в составе современных немцев, особенно — англичан, американцев и т. д. имеются иные этнические, ассимилировавшиеся, элементы, то ведь в течение известного исторического периода и германцы „потеряли“ примерно, в пропорциональном отношении, то же количество „своих“ людей, подвергшихся романизации и т. д.). Но сколько же их могло быть в VI—V вв. до нашей эры, когда они, во-первых, занимали только Ютландию, южную Швецию (побережье и долины рек, ибо внутренняя часть страны была покрыта лесами и болотами) и территорию в северной части Германии между Одером и Эльбой и, во-вторых, — это самое главное, — жили в условиях более низкой ступени развития материального производства, нежели через несколько столетий во времена Тацита? А если заглянуть еще дальше на тысячелетия? Ведь, как общеизвестно, от уровня развития материального производства зависит количество населения того или иного общества. Известно также, что еще в сравнительно недавнем прошлом многие современные равнинные и безлесные места (результат деятельности человека) были сплошь покрыты густыми лесами и болотами, что люди тогда обитали преимущественно по долинам рек, по побережьям озер и морей, что лишь немногочисленные охотничьи общины и племена бродили в лесах. Стало быть, во многих ныне густо населенных местах количество всей людской массы в отдаленные от нас времена было весьма незначительным. Вспомним, что Сибирь начала частично заселяться людьми только на рубеже солютре и мадлена, а Америка — лишь с эпохи мезолита.

В период, когда люди еще жили такими родами-общинами, между которыми еще не было племенных связей и отношений, они, эти люди, были крайне подвижны по условиям своего материального производства, охотничьего в особенности, и родственные общины были расселены на очень большом расстоянии друг от друга. Ведь, например, даже эскимосы, в количестве всего 33 тысяч человек, недавно находившиеся на первой ступени варварства, расположены от Чукотского полуострова до Гренландии включительно, а эвенки (тунгусы) в количестве не более 50 тысяч человек — от Оби до Охотского моря и от самого Крайнего севера до Манчжурии. Ведь даже еще к началу XVI в., к моменту прихода русских в Сибирь, все население на такой колоссальной территории, как азиатская часть нашей страны в ее теперешних границах, едва ли достигало и одного миллиона человек, если не считать башкир, казахов, киргизов и другие народы Средней Азии. А ведь многие из них уже давно были скотоводами (буряты, тюркские племена в южной Сибири и Алтае, якуты) и оленеводами (эвенки, чукчи). Если в Америке к концу XV в. было около 50 миллионов индейцев, то, конечно, весьма сомнительно, чтобы в эпоху мезолита, когда человек впервые появляется здесь, количество людей не измерялось всего, самое большее, несколькими десятками тысяч человек. Нельзя и предполагать, что в эпоху мезолита из Старого света в Новый переселялись миллионные массы людей: этого не было даже в эпоху „великих“ переселений народов.

Все изложенное позволяет, как нам кажется, суммарно предположить, что в периоды родовых языков:

а) все народонаселение земного шара по условиям весьма низкого уровня материального производства было весьма незначительным, а потому общее количество первобытных родов-общин не может мыс-

литься в астрономических цифрах, как это казалось вероятным Н. Я. Марру с его теорией о первоначальных языках-моллюсках;

б) поэтому мало вероятно, чтобы в отдаленные от нас времена языков (тогда родовых) могло быть больше, чем позже;

в) еще менее вероятно, чтобы эти родовые языки, которые складывались по определенным зонам, образуя первобытную лингвистическую непрерывность, не были связаны между собою генетически, чтобы на многих из них не говорило несколько родов, генетически или территориально связанных друг с другом.

„Теория“ о первоначальном бесконечном множестве языков, генетически не связанных друг с другом, по сути дела, представляет собою лишь лингвистический вариант реакционно-идеалистических „теорий“ о якобы бесконечном множестве изначально особых „культур“, антропологических „теорий“ полигенеза человека и этнологических „теорий“ полицентризма культур.

Поскольку в силу крайне низкого уровня своего материального производства люди первобытных родов-общин, еще не объединенных в племена, находились в почти исключительной зависимости от соответствующих географических условий, характер жизни этих людей на разных пунктах земного шара был чрезвычайно различным и пестрым, постольку и закономерности в образовании и развитии родовых языков по различным зонам были также различными и пестрыми. При прочих равных условиях в горных районах жизнь родовых общин складывалась иначе, нежели в равнинах, а в глубинных равнинах иначе, чем на побережьях, не говоря уже об островах. При таких условиях, конечно, схождения и расхождения людских масс и, следовательно, соответственно языков были чрезвычайно разнообразными и пестрыми.

Мы, повторяем, не располагаем пока в достаточной мере конкретными данными о родовых языках. Поэтому в отношении этих языков можно ограничиться лишь вышеизложенными краткими и общими замечаниями с тем, чтобы ниже приступить к обзору некоторых особенностей в образовании и развитии племенных языков, — особенностей, которые в какой-то степени будут давать в ходе наших совместных изысканий определенные опорные точки и для определения закономерностей в образовании, и, особенно, развитии родовых языков. А такое определение окажется возможным лишь тогда, когда, во-первых, при помощи сравнительно-исторического метода, марксистски правильно понятого и освобожденного от своих серьезных недостатков, удастся изучить все языки мира, большие и малые, в их взаимных связях и отношениях, особенно — в части их основного словарного фонда, и, во-вторых, этнология и археология, также освобожденные от марксистских ошибок, приоткроют нам более или менее возможно полную картину далекого прошлого на основных магистральных путях человеческих культур и их очагах.

5

Закономерности в образовании и развитии племенных языков всего лучше показать на американском материале, поскольку языки в Новом свете развивались в условиях доклассового общества и к тому же вне окружения народностями, достигшими государственности, а потому не подвергались посторонним влияниям „неплеменного“ характера, чем богата история языков Старого света.

Как известно, в работах Энгельса мы находим классическое изображение того, как шло образование и развитие североамериканских индейских языков. „На северо-американских индейцах мы видим, — пишет Энгельс, — как первоначально единое племя постепенно распространяется по огромному материку; как племена, расчлняясь, пре-

вращаются в народы, в целые группы племен, как изменяются языки, становясь не только непонятными один для другого, но и утрачивая почти всякий след первоначального единства; как наряду с этим внутри племен отдельные роды расчлениаются на несколько родов, старые материнские роды сохраняются в виде фратрий, причем, однако, названия этих старейших родов остаются все же одинаковыми у очень отдаленных и давно отделившихся друг от друга племен — волк и медведь остаются родовыми названиями еще у большинства всех индейских племен⁹. Теоретическое изложение закономерностей в образовании и развитии племенных языков в целом можно считать вполне законченным, если привести еще одну-две цитаты из того же классического произведения Энгельса, произведения, о котором В. И. Ленин, как известно, с полным основанием был самого высокого мнения. „В действительности племя и диалект по существу совпадают; новообразование племен и диалектов путем разделения происходило в Америке еще недавно и едва ли совсем прекратилось и в настоящее время. Там, где два ослабевших племени сливаются в одно, бывает, что в виде исключения в одном и том же племени говорят на двух очень родственных диалектах“¹⁰.

Картина, нарисованная Энгельсом применительно к племенным языкам Северной Америки, в основных своих чертах применима и к прочим языкам мира, находящимся или находившимся на подобной же ступени своего исторического развития. Конкретные особенности в развитии различных племенных языков определяются разнообразными особенностями же в жизни тех или иных племен, в частности — масштабами территории, занимаемой соответствующими племенами. „Различия в диалектах у греков, тесно скученных на сравнительно небольшой территории, развились гораздо меньше, чем в обширных американских лесах; однако и здесь мы видим, что в одно большое целое соединены лишь племена с одинаковым основным наречием, и даже в маленькой Аттике мы встречаем особый диалект, который впоследствии стал господствующим в качестве общего языка для всей греческой прозы“¹¹. Конечно, самая возможность скученности большого количества людей на небольшой территории определяется условиями материального производства (охота, скотоводство, земледелие, степень развития ремесла и т. д.), а также характером самой местности (степи, леса, горы, реки и т. д.), наличием или отсутствием свободной площади в ближайших районах.

Именно поэтому эвенки в количестве не более 50 тысяч человек, о которых мы уже говорили, имели возможность, будучи вынуждены к тому условиями своего охотничье-оленоводческого производства, расселиться на громадном пространстве Восточной Сибири и Дальнего Востока. В результате этого первоначальные три племени эвенков с тремя диалектами (хакающим, сэкающим и шакающим) разбились на еще большее количество племен и диалектов, последующее сближение которых привело к образованию новых, смешанных диалектов. В Африке, от восточного побережья до Конго, мы находим теперь около 200 языков и диалектов банту, на которых говорит около 25 миллионов человек и которые находятся в недалеких связях с суданскими языками и диалектами в количестве около 700—800. Но сходство и единообразие этих 200 языков и диалектов банту таковы, что, во-первых, жители самых крайних пунктов их территории имеют возможность более или менее беспрепятственного общения между собою и, во-вторых, поэтому языковеды до сих пор лишены возмож-

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. произв., т. II, стр. 238. (Разрядка наша. — Г. С.)

¹⁰ Там же, стр. 234.

¹¹ Там же, стр. 245.

ности установить более или менее приемлемую классификацию этих языков и диалектов.

Проф. С. П. Толстов полагает, что с формированием племен и союзов племен происходит разрыв „первобытной лингвистической непрерывности“ (см. выше); племенные языки формируются путем концентрации „преобладающих признаков“, характерных для языков территории формирования племени или (до этого „или“ должны были пройти тысячелетия!) союзов племен; специфически характерное для языков отдельных родов отмирает, а общее для всех объединяющихся родов получает развитие, обогащаясь новообразованиями, свойственными уже всему племени или союзу племен; языки племен и союзов племен выделяются из первобытной лингвистической непрерывности и расходятся между собою, вследствие чего появляются резкие лингвистические границы. Эта схема могла бы быть предметом дальнейшего изучения и рассмотрения, если бы можно было освободить ее от искусственной прямолинейности (неучет фактов расчленения и новообразований племен), а первобытную лингвистическую непрерывность — отодвинуть ближе к начальным истокам родовых языков.

Не следует думать, что общее количество людей на земле всегда остается неизменным, что раз родовые языки сменяются племенными, то в силу, скажем, концентрации первых уменьшается общее количество языков вообще. В условиях более высокого уровня материального производства темпы роста народонаселения в эту эпоху сильно возрастали, вследствие чего сильно возрастал и более ускорялся процесс постепенного, но неуклонного расчленения старых и образования новых племен и их языков, которых в конце концов становилось больше, нежели первоначально родов и родовых языков.

Нужно самым решительным образом протестовать против попытки некоторых исследователей, антропологов, этнологов и лингвистов трактовать закономерности в образовании племен и их языков ссылкой на указание И. В. Сталина о конгломератном характере образования наций.

А между тем И. В. Сталин писал: „Бауэр, очевидно, смешивает нацию, являющуюся исторической категорией, с племенем, являющимся категорией этнографической“¹². Племена и племенные языки — понятия, связанные и совпадающие друг с другом, чего далеко не всегда можно сказать о нациях и национальных языках.

6

Если Энгельс, как это видно из приведенной выше цитаты, объяснял возникновение родственных племенных языков и диалектов распадом первоначального их единства до полной потери всяких следов последнего, то Н. Я. Марр трактовал подобный процесс развития речи прямо в противоположном направлении, утверждая, что „самостоятельные некогда языки являются ныне лишь наречиями и говорами“¹³.

Согласно этой антиисторической прямолинейной марровской схеме развития языков от бесконечного множества к единому выходит, что, например, звенки или индейцы и т. д. некогда жили отдельно, а затем стали сближаться между собою, в результате чего их бывшие самостоятельные языки превращались в „наречия и говоры“.

Спрашивается: чем объяснить тогда поразительное сходство и

¹² И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 301.

¹³ Н. Я. Марр, Избр. раб., т. IV, стр. 135.

совпадения в более старом пласте основного словарного фонда и грамматического строя этих языков и, наоборот, расхождения в более новых пластах их словарного состава и грамматического строя? Ведь если бы Н. Я. Марр был прав, то разве эти „схождения“ и „расхождения“ не должны были бы являть собою обратную картину, картину „схождения“ в новых пластах и „расхождения“ в старых? Ведь если несколько родственных языков совпадают друг с другом в отношении, скажем, терминологии раннего охотничьего быта, но расходятся между собою в отношении терминологии более позднего, скотоводческого или земледельческого, быта, то где же здесь Н. Я. Марр усматривал первоначальную раздельность и позднейшее единство? Или, может быть, Н. Я. Марр хотел сказать, что народы от земледелия через скотоводство переходили к охоте? Этого, конечно, Н. Я. Марр не говорит, хотя он так облегчает наше „восприятие одного из элементарнейших положений нового учения об языке, именно: сначала в языке появились названия домашних животных, потом соответственно диких... Главное же, однако, то, что, как на диких животных переносились названия одомашненных, так на их коллективы перенесены названия людских обществ...“ (Избранные работы, т. III, стр. 104—105). Разве Энгельс не писал, что „латинские диалекты различных провинций все больше и больше расходились между собою“¹⁴ точно так же, как в XIV—XVI вв. расходились между собою, скажем, монгольские диалекты?

В XIII—XIV вв. монголы оказались в качестве завоевателей на Волге, Кавказе, Средней Азии и в далеком Китае. И вот весьма поразительно, что анонимный грузинский филолог и армянский писатель Гиракос, среднеазиатские записи монгольских слов и фраз и китайские ученые показывают нам живую монгольскую речь XIII—XIV вв. как единый монолитный язык с весьма незначительными отклонениями и расхождениями между собою. Нельзя же думать, что по всему этому необъятному пространству от Волги до Пекина были рассеяны представители лишь одного какого-нибудь монгольского племени-диалекта! А между тем различия между современными монгольскими языками и диалектами более значительны по сравнению с тем, каково было положение вещей с диалектальными различиями в XIII—XIV веках.

Спрашивается далее: разве не на память истории, например, германские племена из небольшого пространства эльба-одерского между речья VI—V вв. до нашей эры, а монголы из сравнительно небольшой территории (от Байкала до Онона и от Буир-Нора до верховьев того же Онона)—расселились по известным нам теперь большим просторам? А малайско-полинезийская и меланезийская группы? Странные „схождения“ и „сближения“ народов путем отхода друг от друга на большие расстояния с сохранением общности грамматического строя и с поразительным сходством в древнейших пластах и расхождением в новейших слоях своего языкового материала! Ведь то, что говорилось о расселении германцев и монголов, относится и ко многим и многим другим народам (индейцам, эскимосам, тюркам и т. д.). Кстати заметим, что своей схемой развития языков Н. Я. Марр лишь повторяет домыслы ренегата К. Каутского, еще в 1908 г. утверждавшего, что ход развития языков идет от множества к единому (см. „Вопросы философии“, 1950, № 2, стр. 46). При этом Каутский наивно рассуждает, что якобы передвижения для племен были затруднены (отсюда будто бы и множественность племенных языков), тогда

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. произ., т. II, стр. 282. Здесь же, на стр. 177, Энгельс многозначительно замечает: „У европейских и азиатских арийцев названия домашних животных еще общие, названия же культурных растений — почти всегда разные“.

как на самом деле именно ранние племена по условиям своей жизни и наличия в то время колоссальной массы свободных земель передвигались с места на место и расходились в разные стороны очень легко (индейцы, германцы, азиатские кочевники, эвенки, эскимосы и т. д.): именно легкость передвижений, а не трудность, вызывала большую множественность ранних племенных языков, идущую от меньшей множественности.

Концепция первоначального множества языков, генетически не связанных между собою, логически вытекает лишь из антимарксистской „теории“ Н. Я. Марра о наличии ручного языка, с которым человечество якобы прошло почти через весь палеолит. По этой „теории“ предполагается, что люди с ручной речью расселялись по всему Старому свету без звукового языка, образуя множество моллюскообразных объединений, и лишь затем, независимо друг от друга, начали создавать звуковую речь. Конечно, при таком неверном предположении сначала имело место образование бесконечного множества языков-моллюсков, генетически не связанных друг с другом. А между тем люди расходились в разные стороны земного шара, уже обладая звуковой речью; отсюда и множество языков в эпохи родов и племен¹⁵.

Поскольку, таким образом, речь идет о племенных языках, то несомненно, что процесс их распада и образования новых, т. е. движения от немногих ко многим, является основной закономерностью образования и развития языков и диалектов в течение почти всего исторического периода существования племен до эпохи сложения народностей. Необходимо помнить, что на данном этапе науки — истории с археологией и этнологией и языкознания — эпоха племен и племенных языков является той хронологической вехой, за пределами которой возможны лишь недоказуемые домыслы, могущие быть весьма красочными, ослепительно заманчивыми, бесконечно „уточняемыми“ на один час, но неприемлемыми для тех, кто не привык гадать на марровской кофейной гуще.

Не случаен тот факт, что Н. Я. Марр и марристы в течение 25 лет не привели ни одного конкретного исторического факта, который свидетельствовал бы о декларируемом ими процессе образования одного языка в результате скрещения многих языков, причем такого одного языка, который в качественном отношении был бы не похож ни на один из скрещенных языков. Дело в том, что история ни одного такого факта не знает. Характерен тот факт, что когда сторонники „нового“ учения Н. Я. Марра в прошлом приступали к конкретным описаниям истории определенных языков одной и той же семьи, то они вынуждены бывали либо совершенно отказаться от антиисторической марровской методики лингвистического исследования, как, например, В. И. Абаев, либо — строить свои схемы эклектически.

¹⁵ Вообще у Н. Я. Марра получается довольно странная картина. Звуковой язык является орудием производства, магическим средством, и находился сначала в обладании только магов, которые, следовательно, являлись в первобытном обществе наиболее производительным „классом“, тогда как вся остальная масса людей оказывается, если не эксплуататорами и трутнями, то менее производительными элементами, поскольку они пользовались ручной речью, предшествующей звуковой речи. Понимание Н. Я. Марром языка как магического средства и орудия производства и его „трудмагический процесс“ напоминают нам теорию первобытного синкретизма А. Н. Веселовского. Далее. Если все слова всех языков мира якобы восходят к пресловутым четырем элементам и их дериватам, если поэтому якобы „у русского языка... нет ни одного коренного слова, нет ни одного явления, которое не имело бы или простого или диалектического двойника соответственных частей в языках Союза и за его пределами“ (см. предисловие Н. Я. Марра к VII тому „Яфетического сборника“, Ленинград, 1932, стр. 7), то эти четыре элемента представляют собою лишь лингвистическую вариацию бродячих мотивов А. Н. Веселовского. Как по Веселовскому, так и по Марру поэтому трудно говорить о самобытности той или иной литературы, того или иного языка.

Так, например, Ф. П. Филин в своем „Очерке истории русского языка до XIV столетия“ (в „Ученых записках Ленинградского педагогического института им. Герцена“, Ленинград, 1940, № 27) пишет: „...бесспорно, что в целом ряде случаев (в современных славянских языках. — Г. С.) различные варианты одного и того же явления представляют собою изменения общей исходной формы, бывшей когда-то принадлежностью всех славянских языков и диалектов“. Ф. П. Филин приходит к такому „страшному“ для марристов выводу, конечно, под напором самого языкового материала, к тому выводу, который научно доказуем безоговорочно. Но что такое „принадлежность — бывшая — всех славянских языков“? Это, оказывается, результат схождения „многих и разнородных человеческих коллективов“. Каких? Припоминаются кимеры, сарматы, кельты и „другие“ (?), но не доказывается и даже не показывается, что же в славянских языках кимерского, сарматского, кельтского и „другого“. В данном случае для автора оказалось важным сохранить „чистоту“ марровского знамени, разукрашенного „целым рядом сложнейших проблем древнейших славяно-кимерских, славяно-сарматских, славяно-кельтских и других связей“. Итак, „бесспорность“ исходной принадлежности всем славянским языкам и диалектам „общей формы“ и „проблемность“ связей по линии „схождения“ неведомых „этно-языковых отношений“!

Ссылка Ф. П. Филина на отдаленно прошлое единство славянских языков, как на результат предыдущего схождения неведомых этно-языковых единиц, была весьма характерна для марризма вообще. Получается, примерно, такая картина: в отдаленнейшие от нас времена, когда люди стояли на чрезвычайно низком уровне своего материального производства, происходил бесконечный процесс „схождения“ языков и народов, что на заре цивилизации или во второй половине эпохи варварства „привело“ к языковому единству германцев, тюрков, племен малайско-полинезийской группы, монголов и т. д. Затем от этого „сложившегося“ единства начинается расхождение, например, малайско-полинезийской группы по всему пространству Индийского и Тихого океанов от острова Мадагаскара до острова св. Пасхи.

Расхождение доказуемо, ибо оно происходило в исторически засвидетельствованные времена. Но на какой материальной основе и при каких социально-экономических условиях могло происходить „схождение“ в глубине веков, которое конкретно совершенно недоказуемо?

Ведь для того чтобы такое „схождение“ генетически различных языков могло образовать целые семьи родственных языков, необходимо было длительное общение многих и многих различных неродственных племен и народов в составе крупных и прочных социальных объединений в течение нескольких столетий или тысячелетий. А этого совершенно невозможно допустить для ранних периодов истории, например в Европе и Азии III — I тысячелетий до нашей эры. Различные гуннские, скифо-сарматские и прочие „союзы“ в Азии и Европе были весьма кратковременными. И. В. Сталин неоднократно разъясняет, что даже объединения типа империй Кира, Александра Великого и т. д. были непрочными и временными, в которых не могли образоваться общие языки, понятные для всех членов той или иной империи. А ведь это относится к более поздней эпохе, когда многие семьи родственных языков Азии и Европы уже существовали, конечно, не в том же виде, как в наше время. Для более ранней эпохи, наоборот, характерно расхождение племен и народов и их языков. Думать же, что современные семьи родственных языков могли сложиться из прежних неродственных языков где-то в глубине веков, еще до эпохи ранних племенных союзов типа гуннского,

совершенно невозможно: для этого не было необходимых экономических условий развития. Ведь даже в более позднюю, исторически засвидетельствованную эпоху мы видим образование семей родственных славянских, монгольских, тюркских, романских, германских и прочих языков отнюдь не за счет уменьшения количества генетически различных языков, хотя некоторые отдельные языки за этот период действительно исчезали (но в отношении и этих языков нельзя сказать, что в се они не являются родственными языкам, в которые они же влились).

Нигде так сильно не сказывалась полная несостоятельность и безнадёжное банкротство „марризма“, как в области конкретного изучения истории отдельных языков и семей родственных языков. Именно здесь проходила за последние 10—15 лет та водораздельная линия, которая разделяла марристов от немарристов, в той или иной степени сползавших — это мы должны сказать и о себе — к марризму по ряду остальных, основных, вопросов языкознания. Такова оказалась сила сопротивления языкового материала!

Полностью подтвердились слова Энгельса о том, что „материя и форма родного языка“ только тогда могут быть поняты, когда прослеживаются его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвелые формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки¹⁶. История советского языкознания блестяще подтвердила также слова И. В. Сталина о том, что „...изучение языкового родства этих (родственных. — Г. С.) наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка“¹⁷. Отсюда понятен тот колоссальный вред, который причинен советскому языкознанию марризмом, сорвавшим за последние 25 лет сравнительно-историческое изучение языков.

7

Итак, основная и главная закономерность в образовании и развитии племенных языков заключается в процессе постепенного распада и расчленения их на отдельные языки и диалекты. Разумеется, этот процесс постепенного распада и расчленения племенных языков не следует понимать механистически, как прямолинейный и безостановочный процесс, который не знает и обратного движения слияния племенных языков, перекрестных влияний и всего того, что в ходе конкретных исторических событий нарушало общую схему развития этих языков, особенно — в эпоху военной демократии.

Изложенное подтверждается всей историей известных нам племенных языков и диалектов. Но мы не закрываем глаза на исключительную трудность научного разрешения всей данной проблемы в целом, на трудность, обусловленную тем состоянием археологии, этнологии и языкознания наших дней, о которой выше уже говорилось не раз, но которое, конечно, будет преодолено на путях дальнейшего марксистско-ленинского исследования проблем родового общества. Дело в том, что образование и развитие известных нам племен и их языков не есть образование тех племен, которые в истории человечества могли бы считаться первоначальными, так сказать, первыми „портными“ племенных организаций.

Когда Л. Г. Морган¹⁸ пишет, что „индейские племена представляют собою естественные образования путем деления одного и того же

¹⁶ См. Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Соцэкгиз, 1931, стр. 306.

¹⁷ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 34.

¹⁸ Л. Г. Морган, Дома и домашняя жизнь американских туземцев, Л., 1934, стр. 15—16.

народа на занятой им территории, в результате чего возникли различия языка, сегментация и независимость каждого племени, то, конечно, возникает вопрос: а что это за народ и как он образовался? Иначе говоря, дело в том, что мы точно не знаем, как и когда (в эпоху первого крупного общественного разделения труда, т. е. выделения пастушеских племен из остальной массы людей?) конкретно происходил первоначальный, постепенный и длительный, процесс перерастания родов в племена. В решении этой сложнейшей проблемы первое слово, конечно, принадлежит историкам, археологам и этнологам. Может быть, данный процесс на определенной (какой именно?) ступени развития материального производства происходил путем концентрации близких родов в одно экономическое и территориальное целое, племя? Может быть, образование племен первоначально происходило, наоборот, путем естественного роста населения в составе каждого данного рода (в этом случае, повидимому, роды естественно перерастали в племена, а подроды — в экзогамные роды внутри племен)? А если это так, то оно раньше, при низком уровне жизненных условий существования людей, приводило к расчленению одного рода на отдельные (экзогамные?) роды, не зависящие друг от друга, не связанные друг с другом экономически и разобщенные в территориальном отношении, как это позже происходило с естественно возраставшими племенами. Еще недавно у бурят расчленение рода на два новых экзогамных рода сопровождалось и ознаменовывалось обрядами: на общем родовом и последнем, „прощальном“, жертвоприношении духам-предкам общий жертвенный котел рода — символ единства последнего — разбивался и бросался в костер, после чего вновь образовавшиеся роды приобретали новые котлы (в этих котлах варилось лишь жертвенное мясо) и устраивали жертвоприношения уже раздельно. Это, конечно, было отзвуком отдаленного прошлого. Или, в зависимости от местных и конкретных условий, имело место и то и другое?

С лингвистической точки зрения изложенное важно в том отношении, что в первом случае первоначальные племенные языки в отличие от более поздних делились на диалекты, бывшие родовые языки, если, во-первых, последние раньше сильно отличались друг от друга, и, во-вторых, носители этих бывших родовых языков продолжали занимать более или менее обширную территорию, аналогично тому, как это происходило позже, например у ирокезов, монголов и т. д., при слиянии двух или более ослабевших племен в одно. Во втором же случае племенные языки первоначально не могли делиться на диалекты, поскольку один родовой язык естественно перерастал в один же племенной язык.

Что касается скрещивания племенных языков, то такие случаи, конечно, имели место, но чрезвычайно редко. Поэтому скрещивание языков в эпоху существования ранних племен не является характерным и определяющим особенностями в образовании и развитии племенных языков. Дело в том, что для этой эпохи очень трудно допустить соединение в одно целое двух или более неродственных племен и их языков, ибо для этого не было экономических условий развития. Если археология будет устанавливать возможность „скрещивания“ в культурном отношении, то это будет результатом не более как взаимных общений на почве межплеменного обмена, т. е. взаимных заимствований.

Что же касается бесспорных антропологических данных, то они являются преимущественно результатом не столько скрещивания и слияния целых племен, сколько следствием, во-первых, длительных брачных связей между племенами, насильственных умыканий иноплеменных женщин — в частности, и, во-вторых, включения одним

племенем в свой состав большего или меньшего количества иноплеменников, в частности — военнопленных; „скрещивающиеся“ племена при этом продолжают свое самостоятельное бытие, но не исчезают.

В итоге получается, что никоим образом не следует смешивать скрещивание двух или более неродственных родов, племен и народностей и их языков со слиянием в одно целое двух или более родственных родов, племен и народностей и их языков. Последнее — явление более частое, а первое — более редкое, носящее чаще всего насильственный характер и исторически более позднее. Из богатой этнографической литературы известно, например, что у многих народов, стоящих на родоплеменной ступени этнического образования, военнопленные предпочитают подвергнуться мучительной смерти, нежели добровольно вступить в состав чужого рода или племени.

Равным образом скрещивание и слияние не следует, конечно, смешивать с явлениями односторонних или взаимных влияний, заимствований и т. д.

В связи с излагаемым вполне уместно вспомнить здесь гениальные разъяснения И. В. Сталина относительно закономерностей в развитии языков до и после победы социализма во всемирном масштабе. И. В. Сталин, касаясь эпохи до победы социализма в мировом масштабе, говорит о скрещивании языков. Переходя же к эпохе после победы социализма во всем мире, И. В. Сталин говорит о слиянии языков. „Будут выделяться сначала наиболее обогащенные единые зональные языки, а потом зональные языки сольются в один общий международный язык, который, конечно, не будет ни немецким, ни русским, ни английским, а новым языком, вобравшим в себя лучшие элементы национальных и зональных языков“¹⁹.

Конечно, закономерности в развитии языков после победы социализма во всемирном масштабе никоим образом не следует смешивать с тем, что происходит с языками до этой фазы мировой истории. Но тем не менее нельзя не отметить того, что слияния языков в целом и основном не носили, а в будущем совсем не будут носить насильственного характера. Поэтому не случайно то, что у И. В. Сталина указанные выше различия между скрещиванием и слиянием языков нашли свое отражение и в его терминологии. Не случайно также И. В. Сталин о диалектах, исчезающих в национальных языках, пишет, что они „вливаются в эти языки“, а не скрещиваются. Ведь в результате скрещивания языки и диалекты, оказывающиеся побежденными, исчезают, а не вливаются в побеждающие языки.

8

Со специально лингвистической точки зрения основное и коренное различие между слиянием родственных языков в прошлом и слиянием всех языков в будущем заключается, между прочим, в том, что в первом случае в один общий язык сливались родственные языки с одинаковой структурой, с более или менее одинаковым основным словарным фондом и одинаковым грамматическим строем. Во втором же случае в один общий мировой язык будут сливаться языки самых различных структур, с самыми различными основными словарными фондами и грамматическими строениями. В соответствии с изложенным и результаты слияний языков в прошлом и будущем оказываются различными.

Разъясняя сущность скрещивания языков, И. В. Сталин пишет:

¹⁹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 54. Разрядка наша. — Г. С.

„Совершенно неправильно было бы думать, что в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещённых языков и качественно отличающийся от каждого из них. На самом деле при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно своё качество и постепенно отмирает.

Следовательно, скрещивание даёт не какой-то новый, третий язык, а сохраняет один из языков, сохраняет его грамматический строй и основной словарный фонд и даёт ему возможность развиваться по внутренним законам своего развития.

Правда, при этом происходит некоторое обогащение словарного состава победившего языка за счёт побеждённого языка, но это не ослабляет, а, наоборот, усиливает его“²⁰.

Для того чтобы правильно понять эту цитату из работы И. В. Сталина, необходимо помнить, что она направлена против антимарксистской концепции Н. Я. Марра о скрещивании разноструктурных языков. Как известно, по этой марровской концепции, в результате скрещивания двух или более языков различных структур (с различным словарным составом и различным же грамматическим строем) происходит образование нового языка путем взрыва, путем внезапного перехода от старого качества к новому качеству. Иными словами, марровская концепция имеет в виду не то, что мы называем слиянием родственных языков, имеющих более или менее одинаковую структуру. Эта концепция имеет в виду прежде всего скрещивание разноструктурных и неродственных языков, ибо, как известно, Н. Я. Марр высокомерно третировал всякую попытку сравнительно-исторического изучения родственных языков.

Но раз слияние родственных племенных языков, особенно позже, в эпоху военной демократии и первоначального становления народностей, уже имеет место в силу определенных экономических, культурно-исторических и иных (войны, болезни, голод и т. д.) условий, то оно, это слияние, протекает безболезненно и беспрепятственно, хотя и очень медленно²¹. Почему? Потому что сливающиеся родственные языки или диалекты в отношении своего грамматического строя, основного словарного фонда и даже большей части словарного состава вообще являются однотипными, похожими друг на друга, сходными друг с другом, то есть одноструктурными. Именно поэтому в составе родственных языков и диалектов мы находим бесконечное множество переходных или „смешанных“ языков и диалектов, которые переплетаются между собою самым причудливым образом, давая целую гамму перекрестных линий схождения и расхождения. Изложенное прекрасно показано Фр. Энгельсом в монографии о франкском диалекте, особенно, на примере с рипуарскими диалектами. Именно поэтому на стыке двух родственных языков и диалектов, особенно у кочевых народов, находящихся в погоне за скотом и удобными пастбищами в состоянии непрерывных передвижений и частых встреч друг с другом, очень часто образуются смешанные языки (на племенной ступени) и диалекты. Например, в Монголии на стыке между халхаскими и ойратскими диалектами мы имеем диалект хотогойту, племени пока неизвестного происхождения,

²⁰ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 29—30. (Разрядка наша — Г. С.)

²¹ Иногда такое слияние может и не закончиться до конца в результате военных и иных событий или вследствие естественного роста населения, который вызывает повторное насленение и далекое расселение данного составного племени, — так произошло, например, с некоторыми монголо-ойратскими племенами.

представляющий собою смесь халхасских и ойратских элементов. То же самое можно сказать и о диалекте монгольских бурят, живущих издавна между бурятами и халхасцами, о некоторых диалектах скандинавских языков.

В связи с излагаемым становится необходимым уточнить понятие о диалекте, относительно которого, как известно, мы не имеем до сих пор общепризнанного определения. Диалект — это местная разновидность общенародного языка, речь, обслуживающая народные массы на определенной части общенародной территории, имеющая свой грамматический строй и основной словарный фонд, подчиненная в своем историческом развитии и по внутренним законам этого развития общенародному языку, как низшая форма высшей. Поэтому языки — как бы самостоятельные реки, а диалекты — это лишь как бы притоки, отличающиеся от рек не шириною или глубиною своего русла, а тем, что они вливаются не в море или озеро, а в реки. Поэтому понятно, почему различные немецкие „речи“ определяются, как диалекты одного немецкого языка, хотя их носители понимают друг друга с большим трудом, нежели, например, казахи и киргизы, обслуживаемые различными языками, имеющими меньшие различия между собою, нежели те же немецкие диалекты. От диалектов следует различать говоры, отличающиеся друг от друга не своим грамматическим строем и основным словарным фондом, а — фонетическими особенностями.

Таким образом, слияние двух родственных языков (на племенной ступени) и диалектов может иногда иметь своим следствием появление и образование нового языка или диалекта, новой разновидности слившихся языков или диалектов, ибо в данном случае не образуется такой новый язык или диалект, новый вид языка, который качественно отличался бы от каждого из слившихся языков и диалектов одной и той же родственной структуры. Ведь при слиянии двух родственных языков и диалектов не происходит и не может происходить качественной перестройки их структур, которые лишь нивелируются, а не просто исчезают, образуя новую структуру.

А между тем „новое“ учение о языке не делало никакого различия между слиянием родственных языков и скрещиванием неродственных языков. Сторонники марризма в доказательство справедливости своей теории скрещивания языков не находили ничего лучшего, как приводить примеры из слияния родственных языков и взаимных влияний родственных же диалектов. Так, например, С. Д. Кацнельсон писал, что „близкое сходство говоров шведской области Сконе с датскими говорами о. Зеландии является, в частности, следствием того, что до 1658 г. Сконе была частью Дании“²². Едва ли такую ссылку можно считать „опровержением“ сравнительно-исторического метода и принять в качестве „доказательства“ правоты марровской теории скрещивания языков.

Скрещивание неродственных языков, как разъясняет нам И. В. Сталин, не может дать появление какого-то нового языка, качественно отличающегося от каждого из скрещенных языков. В лучшем случае при этом может получиться лишь новая разновидность победившего языка, как форма существования последнего в среде бывших носителей побежденного языка, грамматический строй и основной словарный фонд которого исчезают при этом почти полностью. Эта новая разновидность победившего языка может либо представлять собою его диалект (например, монгольская речь дауров или дагуров, некогда говоривших на одном из тунгусских диалектов), либо — самостоятель-

²² Э. Вессен, Скандинавские языки, М., 1949, стр. 142, примечание С. Д. Кацнельсона.

ный язык, но уже родственный по отношению к победившему языку (например, возможно, некоторые романские языки по отношению к латинскому). Разновидность какого-либо языка не есть язык особого качества.

Марровская „теория“ скрещения языков не может быть оправдана ссылкой на „смешанные“ языки типа креольского или тех, какие существовали на Дальнем Востоке. Дело в том, что, во-первых, это, собственно, не языки, а жаргоны, которые обслуживают, как об этом говорил и наиболее компетентный исследователь подобных „языков“ Г. Шухардт, не народные массы в целом, а купеческие, чиновничьи, миссионерские, военные и прочие узкие социальные прослойки; во-вторых, эти „языки“ не имеют перспектив своего дальнейшего развития; в третьих, — это самое главное, — подобные жаргоны, не имеющие своего грамматического строя и основного словарного фонда, представляют собою грубое опрощение грамматического строя одного из языков и случайную смесь лишь части лексики двух языков, что не может обслуживать общение людей во всех сферах их деятельности²³.

А между тем совершенно иначе обстоит дело при слиянии родственных языков (имеем в виду, конечно, близкие) и диалектов, из которых побежденный теряет частично или полностью лишь то более или менее незначительное, что отличает его от побеждающего языка или диалекта, и сохраняет все то остальное, что сближало его с последним, связанным с ним, побежденным языком или диалектом общностью происхождения и развития. При скрещивании двух или более неродственных языков невозможно получить качественно новый язык, новый вид языка, как невозможно получить новую меру измерения или общую сумму, складывая пуды с аршинами. При слиянии же двух или более родственных языков или диалектов иногда может получиться новая разновидность их, в которой структуры слившихся языков и диалектов продолжают развиваться по общим для последних внутренним законам своего развития. „Разновидности — это формы существования данного вида, а не ступеньки его превращения в другой вид“ (Т. Лысенко, «Правда», З. XI 1950). С известными поправками, поскольку язык не есть биологическое явление, это положение акад. Т. Лысенко можно применить и к языкам.

„Новое“ учение о языке равным образом смешивает со слиянием родственных языков и скрещиванием неродственных языков также и заимствования. „Слова, укладываемые в нормы звуковых соответствий, — пишет тот же С. Д. Кацнельсон²⁴, — это проявление родства языков, а слова, не укладываемые в эти нормы, — это заимствования, — так рассуждали приверженцы старого формалистического языкознания, как будто бы позднейшие заимствования не свидетельствуют о реальных исторических связях разных народов!“

Насчет „реальных исторических связей разных народов“ мы хотели бы узнать у „приверженцев“ „нового“ учения о языке, верят ли они сами всерьез в возможность подобных связей у таких народов, как южноамериканские индейцы, австралийцы, баски, армяне, грузины и другие, слова которых генетически возводились к общим корням отдаленнейшего прошлого никем иным, как самим Н. Я. Марром (см. его «Избранные работы», том IV, стр. 94 и далее)? Или это

²³ Особенно важно отметить, что такое опрощение грамматического строя одного из языков протекает совершенно независимо от грамматического строя другого языка, — последний никак не влияет на „грамматику“ жаргона, как это было, например, с „грамматиками“ монголо-русского и монголо-китайского жаргонов в дореволюционной Монголии, бытовавших в торгово-ремесленной среде. Равным образом во французских креольских диалектах мы имеем опрощение одного только французского языка, а не структурную смесь последнего с туземным.

²⁴ См. его предисловие к упомянутой выше книге Э. Вессена, стр. 10.

„лишь случайные и недоработанные“ положения Н. Я. Марра, которыми так „коварно“ воспользовались в своих полемических целях „формалисты“? Все дело, оказывается, как пишет С. Д. Кацнельсон, заключается только в том, что „нормы звукового развития в древнейшую эпоху отличались от норм позднейшего звукового развития и разработанные старой лингвистикой приемы не позволяют проследить процессы скрещивания и схождения языков, имевшие место в древнейшую эпоху“. Если, например, у монголов теленок называется бяруу, у бурят — буруу, у ойратов — бұруу (у кара-калпаков — бузау, у киргизов — музоо) — из более раннего бирагу, то это для марристов такое же „схождение“, как и в случае монгол. савунг ← араб. sabun ← латин. sapo → француз. savon — „мыло“: все дело — лишь в отличии „норм звукового развития“! Конечно, монголист, безусловный „формалист“, в данном случае скажет, что наименование теленка у разных монгольских народов относится к древнейшему пласту основного словарного фонда эпохи исторически засвидетельствованной и общеизвестной общности этих народов, а в отношении „мыло“ может сослаться на точные исторические хроники, в которых рассказывается, в какие века и годы наезжали арабские купцы в Центральную Азию, устанавливая тем самым „реальные исторические связи“ разных народов.

Таким образом, в полном и хаотическом смешении результатов скрещивания, слияния и заимствований между языками самым неприглядным образом и еще раз сказался весь порок и антиисторизм „нового“ учения о языке. Несостоятельной оказалась и прямолинейная схема развития языков от первоначального множества к единому, ибо она, эта схема, соответствует не марксистскому представлению об историческом процессе развития общества, а реакционно-идеалистической „теории“ полигенеза в антропологии и антимарксистской концепции самого Н. Я. Марра о якобы первоначально ручном характере речи, в обладании которой люди расселялись по всему земному шару с тем, чтобы потом, независимо друг от друга, создавать различные языки, генетически не связанные друг с другом. А между тем люди расселялись в разные стороны уже в обладании звуковой речью, — отсюда и множество генетически связанных друг с другом языков.

Мы, конечно, не хотим сказать, что никогда не имело место поглощение одних языков другими, — ведь исчезли же, например, этрусский и прочие языки в Европе, самоедские и палеоазиатские языки в Южной Сибири еще в половине прошлого века. Но исчезновение тех или иных языков не всегда сопровождается сокращением общей численности языков вообще. Если в римскую эпоху не существовало больше галлов, иберов, лигуров, нориков и т. д., то ведь позже, наоборот, латинские диалекты, поглотившие языки этих народов, все больше и больше расходились между собою и дали начало образованию ряда романских языков. Если нынешняя итальянская нация образовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т. д., то ведь это не привело вообще к исчезновению арабов, германцев, греков и т. д.; если при этом исчезли этруски, то ведь мы имеем теперь несколько германских и романских языков. Для более поздней эпохи, по сравнению с эпохой родовых и племенных языков, вообще характерно такое скрещивание языков, которое не всегда приводит к полному поглощению одних языков другими и в процессе которого последние как бы производят обмен своими носителями, как это имело место с монгольскими и тюркскими языками за последние десять столетий.

Множество языков нами не отрицается, ибо оно является фактом для эпох поздних родовых и племенных языков. Мы хотим лишь сказать, что, во-первых, такое множество языков не является первоначальным и, во-вторых, эти языки были связаны между собою гене-

тически, будучи результатом все более и более возраставшего расчленения родов и племен по мере роста условий материального производства и расселения их по всему земному шару до полной утраты всяких следов своего первоначального родства и единства, как это отметил Фр. Энгельс в отношении североамериканских индейцев. Разумеется, и речи не может быть о каком-то едином „праязыке“, ибо для древнейших родовых языков, как можно думать, была характерна лингвистическая непрерывность в рамках каких-то определенных зональных границ.
